

ГРУППЫ ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: СПЕЦИФИКА, ВИДЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация

В Китае основной особенностью формирования групп влияния является отсутствие официальной оппозиции при наличии разрешенных «демократических партий». Тем не менее, анализируя политический ландшафт Поднебесной, можно выявить особые группы, силы, которые свой специфический интерес реализуют, объединяясь в замкнутые политические сети. В рамках данного исследования автором были выявлены основные типы групп влияния в КНР, обозначены институциональные, конвенциональные и иные особенности для их складывания к настоящему времени. Также сформулированы основные цели интересов, формирующие каркас структуры функционирования групп влияния в Поднебесной.

Ключевые слова: группы влияния, КНР, КПК, Комсомол Китая, НОАК, политические сети, клики.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.005

Автор

Кирилл Дмитриевич Серебряков

Студент магистратуры факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

В рамках западных политических систем (т.н. «старых демократий») борьба за власть является многовекторной, т.к. общество предельно дифференцировано и представлено большим числом организаций, артикулирующих различные интересы и борющихся за власть. Отсюда становится очевидным столь масштабный запрос на концепты коалиций, имевших место в рамках теории общественного выбора в 1970-х годах. При этом группы влияния могут быть как парламентские, так и внепарламентские, но имеющие большой вес для принятия политических решений.

Что касается КНР, то конфигурация групп влияния в рамках данной политической системы имеет свой специфический оттенок. Будучи страной с преимущественно авторитарным режимом (гибридным), по мнению А. Натана,

Китайская Народная Республика не вписывается в утвердившиеся теоретические рамки фракционных и коалиционных подходов парламентских систем. Более того, китайское руководство отрицает позитивную роль самой концепции разделения властей (в Поднебесной, если проанализировать институциональную структуру, будут выявлены органы представительства и исполнительной власти как «условно» аналогичные западноевропейским). Тем не менее это не отрицает богатства форм групповой борьбы за ресурсы как демократическими средствами, так и неформальными [11. — Р. 37].

Политическая система коммунистического Китая сформирована таким образом, что довлеющим актором выступает Коммунистическая партия Китая (КПК), являясь руководящим органом страны в вопросе формирования по-

литической повестки и распределения ресурсов, причем сама партия насчитывает более 90 млн членов, социальный состав которых после реформ Дэн Сяопина был расширен за счет интеллигенции [2. — С. 43]. Все это создает предпосылки для появления групп влияния внутри данной организации. Более того, закрытая и непрозрачная структура Коммунистической партии является идеальным условием для формирования патрон-клиентских отношений и компактных сетевых структур, т.е. группы влияния наиболее вероятно будут представлены как клановые сообщества или клики. Это довольно интересно, учитывая тот факт, что официально создавать фракции в КПК, согласно Уставу партии, запрещено [10].

«Китайская специфика» групп влияния также заключается и в том факте, что последние не могут бороться за власть (за статусы). Находясь в руках партии, этот ресурс как бы уже априорно считается полученным и разделенным между всеми членами организации, ибо ее участники, вступая в КПК, становятся носителями общего интереса, запускающего механизм стабильного сращения партии с государством по многим фронтам. Противостояние групп влияния заключается только в борьбе за специфическое проявление власти, а именно за административные ресурсы, которые могут быть достаточно однозначно определены и верифицированы. Это, в первую очередь, стремление получить позиции, отвечающие за перераспределение накопленных ресурсов, а также за ротацию партийно-государственных кадров. При этом подобная группа влияния будет иметь самый изощренный инструментарий, и почти всегда она будет проявлять себя непублично.

Также дополнительной отличительной особенностью китайской модели групп интересов выступает глубокий интеграционный посыл, т.е. наличие институтов, которые не представляют собой непосредственно политическую

институциональную форму организации (по типу партии), тем не менее данные органы включены в единый управленческий комплекс, т.е. в возможность членам данных организаций влиться в работу Компартии. Речь идет об армии (Народно-освободительной армии Китая, НОАК) и о Коммунистическом союзе молодежи (комсомоле) [9]. С большой долей вероятности можно предположить, что предоставленных для этих институтов социальных партийных «лифтов» будет достаточно для формирования специфического интереса по борьбе за административный ресурс (мотивации), что может привести к созданию группы влияния. Но в последнее время такого нельзя уже сказать о комсомоле: отстранение от должности руководителя организации Цинь Ижи перед XIX Съездом КПК и длительный перерыв до нового назначения, а также факт сокращения финансирования обозначили очевидный тренд на ослабление этого молодежного института как трамплина для потенциальных членов его же группы влияния в КПК [9].

Однако политическое поле Китая, в рамках которого могут развернуть свою деятельность различные формы групп влияния, КПК и интегрированными в нее институтами не ограничено. Несмотря на колоссальную роль одной партии, а также характеристику партсистемы как авторитарной с инклюзивной партией или гегемонистско-идеологической, в КНР официально установлена многопартийность при условии, что оппозиция запрещена, а существующие игроки признают «правлящую» роль Компартии, в свою очередь, называя себя «участвующими в политической жизни» [3; 5. — С. 322].

На данный момент вопрос китайского многопартийного сотрудничества хорошо изучен отечественными учеными, отмечающими хоть и незначительный, но рост влияния Единого народно-демократического фронта (т.е. организации, куда входят все партии, разрешенные в КНР: КПК и восемь

«демократических партий») [1; 4; 5; 7]. Здесь видится уместным проанализировать потенциал и формат возникновения групп интересов. Специфический характер политической системы лишает ее участников из правого политического спектра главного отличительного признака групп влияния — борьбы за власть, среди возможностей данных акторов выступают ограниченные формы административных ресурсов, получение которых согласовано с КПК и политическим руководством КНР, что, в принципе, создает прецедент возникновения квазигрупп влияния.

Более того, институциональные форматы реализации собственных специфических амбиций (интерес) лежат преимущественно в негосударственной плоскости: основная деятельность разворачивается в рамках Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), а также в работе ведущих малых рабочих групп.

Первый орган представляет из себя консультативный совет, сессии которого проходят обычно в одно время с сессиями Всекитайского собрания народных представителей («парламент страны с китайской спецификой»). Помимо партийных структур, здесь также присутствуют общественные организации, представители обществ дружбы с заграницей, бизнес-сообщества и т.п. [8. — С. 501–502]. Среди провозглашаемых уставными документами функций НПКСК выделяются следующие: демократический контроль и политические консультации. Обычно к датам проведения съезда совета китайское руководство просит представителей «демократических партий» составить отчеты о реализации культурных и социальных программ, выявить слабые места проводимой государственной политики по данным направлениям. Стоит отметить, что позитивно отмеченная работа подобных партийцев обычно приводит к определенным уступкам и квотам в пользу той или иной стороны при формировании нового состава

ВСНП, переизбрание которого происходит раз в пять лет [6. — С. 34, 36–37].

Несмотря на то что данный орган не является государственным, его курирует один из вице-премьеров китайской системы исполнительной государственной власти — Госсовета КНР (на данный момент эту должность занимает Ван Ян) [6. — С. 37]. Стоит отдельно уделить внимание тому факту, что административные органы в целом в последние годы начинают плотнее взаимодействовать с членами «демократических партий». Так, например, в марте 2018 года вступило в силу следующее постановление: Государственная комиссия по делам религий и Государственная комиссия по этническим вопросам будут отчитываться перед членами Единого фронта раз в год [9].

Демократизацию отношений с иными политическими силами можно наблюдать еще со времен реформ Дэн Сяопина. В 1979 году в своей вступительной речи на 2-й сессии Всекитайского комитета НПКСК он отмечал, что правые партии «стали союзниками <...> политической силой, служащей делу социализма под руководством КПК». В 1987 году по результатам XIII Съезда КПК была поддержана инициатива развития многопартийного сотрудничества, а через два года были внесены соответствующие изменения в Конституцию страны и сформирован правовой порядок такого взаимодействия [1. — С. 206; 7. — С. 50].

Второй обозначенной выше площадкой выступают малые рабочие группы, законодательно закрепленные в IX главе Устава КПК. Это своего рода надминистерские специальные органы, создаваемые для решения конкретных вопросов в рамках реализации реформ, имеющие закрытый тип, курируемые обычно членами Политбюро, Председателем КНР или высшими должностными лицами Госсовета [10]. Подобные группы призваны сокращать транзакционные издержки и добиваться консенсуса между партийными, государственными служащими и реже военными. Из наиболее известных малых рабочих

групп можно выделить структуры «Иностранные дела», «Пропаганда и мышление», «Дела Тайваня, Гонконга и Макао» и др. [9]. На данный момент почти все подобные организации, о которых известно научному сообществу, контролируются Си Цзиньпinem.

Фактически это более значимый орган, т.к. он является государственным и возглавляется лицами, оказывающими непосредственное влияние на административные ресурсы. Хотя данные структуры закрыты, в последнее время стали появляться списки участников тех групп, которые уже прекратили свое существование. Стоит отметить, что среди них были представители двух «демократических партий»: Революционного комитета Гоминыдана и Лиги демократического самоуправления Тайваня [5. — С. 327].

Подводя итоги, можно отметить, что китайская среда достаточно специфична для деятельности групп влияния. Во-первых, как таковой борьбы за власть в системе с доминирующей партией нет, есть борьба за административные ресурсы. Во-вторых, наиболее эффективной выступает фракционная форма организации группы влияния. В-третьих,

весьма сложная и многоуровневая структура политических институтов делает политические патронистские сети наиболее эффективным форматом формирования группы интересов, которые к тому же абсолютно не публичны.

Проводя типологизацию групп влияния в политико-административных институтах КНР, можно выделить следующие: 1) полноценные клики и 2) квазигруппы влияния, последние из которых представлены иными политическими игроками, не являющимися Компартией или не включенными в ее интегрированную структуру институтами. Среди институциональных форм таких групп можно выделить собственно фракции (кланы) партии, целые партии, коалиции партий. При этом у рассматриваемых групп будут различные политические поля: фракции КПК реализуют свой потенциал внутри партии и акцентируют внимание на системах распределения ресурсов и ротации новых кадров, а остальные группы борются за специфический интерес на специально организованных площадках, как общественных (НПКСК), так и государственных (малые рабочие группы).

Библиографический список

1. *Бальчиндоржиева О.Б.* Совершенствование системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций в КНР // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 6. — С. 205–207.
2. *Буров В.Г.* Собственным путем. XVI съезд КПК и социально-экономическое развитие Китая // Свободная мысль XXI. — 2003. — № 1. — С. 43–56.
3. Многопартийный Китай: не секрет, но не все знают. О партийной системе КНР: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2388007.html>. — Загл. с экрана (05.05.2020).
4. *Лулей В.В.* Политические партии КНР, Тайваня и Сянгана и объединение китайской нации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Владивосток, 2001. — 24 с.
5. *Семенов А.А.* Роль малых демократических партий в политической системе КНР // Общество и государство в Китае. — 2018. — № 48 (1). — С. 321–331.
6. *Степанова Г.А.* Народный политический консультативный совет Китая на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. — 2001. — № 5. — С. 32–40.
7. *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в КНР. — М.: ИДВ РАН, 1999. — 212 с.
8. *Шевердяев С.Н.* Организация государственной власти в Китае // Организация государственной власти в России и зарубежных странах / Рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С.А. Авакьян. — М.: Юстицинформ, 2014. — С. 487–514.
9. Chinese Leadership Chart: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://chinese-leaders.org/chinese-leadership-chart/>. — Загл. с экрана (05.05.2020).
10. *Dumbaugh K., Martin M.F.* Understanding China's Political System: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.refworld.org/pdfid/4b73cd512.pdf>. — Загл. с экрана (06.05.2020).
11. *Nathan A.* Authoritarian Impermanence // J. Democracy. — 2009. — Vol. 20. — No. 3. — P. 37–40.